А. В. Тимошевский, В. В. Савин

Трансгрессии человеческого: от человека в культуре к культуре без человека

Исследуется состояние культуры рубежа XX–XXI в. Показывается, что состояние постмодерна представляет собой конец подлинной человеческой истории и переход к существованию культуры без человека. Анализируются основные социокультурные эксцессы этого процесса: деконструкция культурных универсалий (Бог, человек, человечество, человеческое) и феномен трансгуманизма и постгуманизма. Утверждается, что именно современное состояние культуры и постнеклассическая научная рациональность генерировали постгуманистическую идеологию. Анализируются социальные риски постгуманистической триады «человек–трансчеловек–постчеловек». Ставится проблема генезиса актуальных социокультурных эксцессов. Предполагается, что их предельным основанием являются не конкретные социокультурные факторы, а трансгрессивная природа самой культуры. Вводится понятие тотальной трансгрессии культуры. Рассматриваются исторические примеры трансгрессий человеческого: древнегреческая пайдейя, средневековый гротеск, взаимопереходы реальных культурных пластов всемирной истории: науки, музыки, архитектуры, ваяния, живописи. Показывается, что превращение человеческого в постчеловеческое будет последней из его возможных трансгрессий и в идее перехода от человека к постчеловеку человечество подошло к своему последнему пределу, преодолев который оно завершит свое собственное существование.

Ключевые слова: трансгрессия, социокультурный эксцесс, предельные основания культуры, трансгуманизм, постгуманизм

Alexandr V. Timoshevskiy, Victor V. Savin

Transgressions of human: from man in culture to culture without man

The state of the culture of the turn of the XX–XXI centuries is investigated. It is shown that the state of postmodernism represents the end of a true human history and the transition to the existence of culture without man. The main sociocultural excesses of this process are analyzed: the deconstruction of cultural universals (God, man, humanity, human) and the phenomenon of transhumanism and posthumanism. It is argued that it was the actual state of culture and post-non-classical scientific rationality that generated post-humanistic ideology. The social risks of the posthumanistic triad of the “man–transman–postman” are analyzed. The problem of the genesis of actual sociocultural excesses is posed. It is assumed that their ultimate foundation is not the specific sociocultural factors, but the transgressive nature of the culture itself. The concept of a total transgression of culture is introduced. Historical examples of transgressions of human are considered: ancient Greek paideia, medieval grotesque, mutual transitions of real cultural layers of world history: science, music, architecture, sculpture, painting. It is shown that the transformation of the human into the posthuman will be the last of its possible transgressions, and that in the idea of transition from man to postman humanity has approached its final limit, overcoming which it will complete its own existence.

Keywords: transgression, sociocultural excesses, ultimate foundations of culture, transhumanism, posthumanism

DOI 10.30725/2619-0303-2020-1-97-105

Сегодня стало общепринятым говорить о том, что начало XXI столетия отмечено небывалыми и все ускоряющимися темпами общественного и научно-технического развития (НТР), решительной ломкой национально-государственных и культурных перегородок, возрастанием глобализации и мультикультурализма. По этому поводу опубликовано немалое количество научных книг, статей и защищено диссертаций. Казалось, ничего, кроме баналь-

ностей, относительно социальных последствий НТР и полемики между сциентистами и антисциентистами, «физиками» и «лириками», добавить уже невозможно. Однако развитие современной культуры преподносит человечеству все новые и новые эксцессы, о которых ранее оно либо вовсе не догадывалось, либо относило их к области философских и научно-фантастических утопий и антиутопий, которые никогда не станут реальностью. Ха-

рактер современных социокультурных процессов показывает, что человечество, входя в информационное общество «тотальной свободы», оказалось лицом к лицу с концом истории, но не в метафорическом смысле «Конца истории» Ф. Фукуямы, а в самом прямом – реальным концом собственной истории, концом *человеческой культуры*. И этот исторический финал связан отнюдь не с противостоянием и борьбой цивилизаций, которые предлагает логика С. Хантингтона, а с «умиранием души» культуры Запада, являющегося предвестником гибели *человеческой культуры* как таковой. Эскиз этого финала был великолепно очерчен Ф. Ницше и О. Шпенглером и доведен до логического предела М. Фуко, Ж. Делезом и Ф. Гваттари.

Как известно, постмодернистский дискурс взорвал все устоявшиеся понятия, стер границы между нормальным и ненормальным, истинным и ложным, правильным и неправильным. Деконструкции постмодернистов подверглись самые фундаментальные основы существования человека в мире, которые давали ему веру и надежду на лучшее будущее – идеи Бога, разума, мировой гармонии, – и которые испокон веков рассматривались как предельные культурные универсалии. Ницшевская мысль о «смерти старого Бога» трансформировалась постмодернистами в отказ от логоцентризма как такового и «смерть Бога вообще», которая повлекла за собой целую череду «смертей»: «смерть автора», «смерть субъекта» и, наконец, «смерть самого человека».

Следует признать, что подобного рода деконструкции имели и имеют под собой вполне реальную почву, как в самих культурных практиках, так и в их теоретических моделях современной философии культуры и теоретической культурологии. Так М. Фуко, исследовавший феномены безумия и сексуальности в различных хронотопах культуры, с полным на то основанием вынужден был констатировать крайнюю размытость границ, разделяющих «умное» и «безумное», сексуальное «нормальное» и сексуальное «ненормальное». Необходимо отметить, что поначалу мало кто из здравомыслящих политиков, деятелей церкви и тем более ученых позитивистской направленности придавал этим сентенциям Фуко серьезное значение, отнеся их к курьзам очередной новомодной философской теории. Однако с момента кончины автора «Истории безумия в классическую эпоху» и «Истории сексуальности» прошло не так много лет, как в Старом и Новом свете, практически одновременно, начали происходить события,

за которые в иные времена можно было бы быть подвергнутым публичному порицанию или даже лишиться жизни.

Сначала на государственном уровне осуществляются юридическое узаконивание и прекращение преследования однополых сексуальных отношений, а затем статус равноправия с традиционным браком обретают и однополые браки. По сообщениям СМИ, сегодня власти Швеции даже обязывают каждого священника проводить бракосочетания гей-пар. Другое важное культурное событие, так же имеющее характер безусловного *эксцеса*, произошло в той же Швеции, где в конце 2017 г. лютеранская церковь призвала духовенство использовать гендерно-нейтральные слова для обозначения Бога. Шведская церковь теперь считает необходимым отказаться от таких терминов, как «Господь» и «Он», а использовать лишь *гендерно-нейтральное* «Бог» и «Ты» (староанглийское Thou). При этом вопрос о том, что подобное решение подрывает христианское учение о Святой Троице, рассматривается представителями этой церкви как некорректный, поскольку, по их мнению, Бог в любом случае выше любых гендерных определений, так как «Бог – не человек».

Если подобный эксцесс произошел с понятием «самого» Бога, то что уж говорить о понятиях, связанных с представлением о *человеческом*. Классическая идеологема «человеческое» распадается на ряд родственных терминов, которые, пересекаясь друг с другом, представляет разные ее смысловые оттенки и при этом имеет вполне определенные дефинитивные границы. Но кто сегодня, в эпоху постмодернистской культуры, не только точно определит, как же правильно обращаться к Богу, но и даст четкие критерии понятий «человек», «человечество», «общечеловеческие ценности», «права человека»?

Проблема дефиниции «человеческого» никогда не носила исключительно абстрактного, спекулятивно-теоретического характера, а всегда использовалась в политико-идеологических целях различных социальных институтов, конфронтирующих друг с другом в борьбе за власть, собственность и влияние на умы и сердца конкретных людей. Показательно, что сама референция **прав человека** к их «естественности» не имеет под собой необходимой и достаточной доказательной базы, поскольку понятие «естественность» предполагает *природную врожденность*. Но кто и когда **фактически** (в позитивистском смысле) доказал, что право на жизнь, право на свободу, право на собственность вытекают из самой природы

человека и тем самым являются универсальными? Более того, если уж говорить о природе человека, то его «естественное» право на жизнь вступает в противоречие с естественным человеческим существованием – по своей природе человек *смертен*. Наличие двух взаимоисключающих «естественных» прав – на жизнь и на смерть, свидетельствует не столько о противоречивости человеческой природы, сколько о теоретической несостоятельности самой идеи естественных прав человека. На наш взгляд, эта идея имеет две базовые уязвимости: она не содержит фактической обоснованности природной врожденности прав человека и не в состоянии провести четкую границу между человеком и другими существами, обитающими на нашей планете.

Еще меньше повезло таким терминам, как **человек** и **человечество**. Понятие «человек» до сих пор не имеет внятного объяснения ни философского, ни научного, а огромное количество его различных интерпретаций свидетельствует о глубоком кризисе современного человекознания. Достаточно сказать, что привычное понятие «*homo sapiens*» не покрывает весь спектр человеческой жизни, а всего лишь обозначает принадлежность человека к биологическому виду млекопитающих. Доминирующая же в образовательно-просветительской литературе формула «человек – это биосоциальное существо» является теоретической «пустышкой», поскольку, ставя человека в один ряд с социальными животными (пчелами, муравьями), начисто лишает его свободы воли.

Отсутствие в современных естественных науках и социогуманитаристике универсального понятия «человечества» в разное время и не раз отмечалось различными исследователями, стремившимися восполнить этот теоретический дефицит в соответствии с актуальными философскими и научными концептами. Так, В. Н. Чудомех в статье «Необходимость в полномерном понятии „что такое человечество“ и проблемы в его формулировании» предпринимает попытку дать объективное понятие о человечестве, которое, по его мнению, позволяет увидеть этот феномен целиком – от истоков до современности. Согласно автору, термин «человечество» можно трактовать многовариантно: 1) как вертикальную онтоцелостность людей, сложившуюся во времени; 2) как поток бытия людей, непрерывный во времени; 3) как феномен «нооцентрической эволюции» Живого Земли, потенциально способный к экспансии во Вселенной [1, с. 105, 110].

Однако, на наш взгляд, стратификация термина, предложенная В. Н. Чудомехом, не прибавляет эвристической ценности самому понятию, поскольку из нее совершенно не ясно, какое же сущностное качество людей делает их *именно человечеством*, а не толпой или просто особым видом живых существ («онтоцелостностью», «потоком бытия», «феноменом «нооцентрической эволюции»»). Человечеством, живущим, в отличие от животных, в мире культуры, а не природы. Подобного рода определения лишь в очередной раз демонстрируют саркастическую правоту гениального Гете: «Человечество? Но это абстракция. Издавна существовали только люди, и будут существовать только люди» [цит. по: 2, с. 151].

Тем не менее *главным эксцессом*, преподнесенным бурным развитием культуры на рубеже XX–XXI в., стало не разрушение уютного мира привычных понятий, в которых устроилось человечество, не тот сокрушительный постмодернистский удар, который был нанесен классическим и неклассическим научным и философским парадигмам человека, а **феномен постгуманизма**. Постгуманизм как новейшая рефлексия философского и технократического постмодерна, основываясь на процессах, происходящих в развитии современной генетики, компьютерных, нано- и биотехнологий, выдвинул революционную идею: *человек как таковой в силу своей изначальной природы несовершенен, и единственный способ сделать его совершенным – радикально изменить саму его природу*. Приверженцы постгуманистического движения предполагают, что первым шагом в этой эволюции человека будет его превращение в *транс-человека*, а следующим – превращение уже трансчеловека в *постчеловека*, обладающего сверхразумом (искусственным интеллектом), абсолютными творческими способностями, неограниченной молодостью и даже бессмертием. Достижению этой цели как раз и должны способствовать новейшие научные нано-, био-, информационные и когнитивные технологии (НБИК-технологии), являющиеся фундаментом развития современного информационного общества.

Не вдаваясь в детали этих понятий, отметим главное: по мнению постгуманистов, эра человечества действительно близка к финалу – оно исчерпало все свои возможности, органические, социальные, интеллектуальные и духовные. Мысль Ницше о необходимости превращения человека в сверхчеловека подверглась не деконструкции, а реконструкции.

Постчеловек – это фактически ницшевский сверхчеловек. В свете этой постгуманистической оптимистической футурологии даже «исчезновение человека» в современном обществе и культуре, бесстрастно констатированное еще Р. Бартом и М. Фуко, не кажется таким уж печальным и тем более трагическим.

Становление постгуманистического движения первоначально было связано с формированием *трансгуманистических* идей в западной культуре конца XX в. Автором термина «трансгуманизм» считается Ферейдун М. Эсфендиари (1930–2000) – американский писатель-фантаст, футуролог и философ. Именно Эсфендиари впервые предложил понимать «трансчеловека» в духе Ницше – как «канат, протянутый над пропастью», промежуточное существо (полузверь-полуангел) в эволюции от обезьяны к сверхчеловеку.

В 1980-е гг. в Калифорнии образовалась первая группа единомышленников-трансгуманистов. Их объединили идеи Ганса Моравека о сверхразуме (искусственном интеллекте – ИИ), Эрика Дрекслера о нанороботах и Роберта Эттингера о бессмертии.

В 1998 г. Ник Бостром и Дэвид Пирс основали Всемирную трансгуманистическую ассоциацию (ВТА), провозгласившую *Трансгуманистическую декларацию*, в которой, в частности, утверждалось, что «трансгуманизм защищает право на достойную жизнь всех существ с чувственным восприятием, будь то искусственные интеллекты, люди, пост-люди или нечеловеческие животные» [3].

Кроме Декларации, трансгуманистами был принят и *Трансгуманистический манифест*, в котором постулировались основные задачи трансгуманистического движения. На первый взгляд, Трансгуманистический манифест провозглашает «старый добрый» гуманизм, в котором заключена идея человека как самого разумного существа на Земле, но только на современной основе, и предлагает наконец-то максимально полно реализовать все возможности человечества во имя его процветания [4, с. 241–242]. Однако конкретизация идей Манифеста в известном высказывании Н. Бострома проливает свет на подлинную цель движения трансгуманистов: «Трансгуманизм – это нечто большее, чем простая абстрактная вера в то, что мы находимся в процессе перехода наших биологических границ с помощью технологий. Это также попытка переоценить полностью определение человеческого существа так, как его обычно представляют... Технологии помогут нам **выйти за пределы того, что большинство**

считает человеческим (выделено нами. – А. Т., В. С.)» [5].

Не менее жестко высказался и Г. Моравек, всемирно известный американский специалист по робототехнике: «Неважно, что делают люди, они будут отброшены, как вторая ступень ракеты... Судьба людей не будет представлять никакого интереса для сверхразумных роботов будущего. **Людей будут рассматривать как неудавшийся эксперимент**» [цит. по: 6, с. 125].

В начале XXI в. происходит резкий всплеск популярности идей трансгуманизма во всем западном мире. В 2003–2005 гг. создается трансгуманистическое движение и в России (РТД). Лидерами РТД считаются Д. А. Медведев, И. В. Артюхов, В. Прайд (В. В. Удалова). Однако главную роль в распространении трансгуманизма в России играет Движение «Россия 2045», основанное бизнесменом Д. Ицковым в 2011 г. В создании этой организации принимали активное участие ведущие российские специалисты в области робототехники и искусственных органов. Важнейшей задачей современной науки сторонники и участники «Россия 2045» считают не создание ИИ (искусственного интеллекта) и имитацию человека, а перенос индивидуального сознания на альтернативный небиологический носитель.

Движение «Россия 2045» насчитывает в настоящее время около 40 тысяч человек в самой России и за рубежом. Основным проектом Движения является «Аватар» – разработка технологий, способных создать искусственное тело человека. Такое тело должно качественно улучшить человеческую жизнь и увеличить ее продолжительность [7, с. 154–167; 8].

В 2007 г. международные трансгуманистические организации были подвергнуты ребрендингу и стали именоваться «*Humanity+*» (H+), с тем чтобы лучше подчеркнуть положительные стороны трансгуманизма.

Необходимо подчеркнуть, что проблема будущего человечества стала предметом серьезных научных исследований и обсуждений еще во второй половине XX в., в связи с угрозой термоядерной войны и задолго до возникновения Всемирной трансгуманистической ассоциации. Среди публикаций того времени по этой тематике следует выделить самые известные: «Какое будущее ожидает человечество?» (Прага, 1964), «Мир в 2000 году. Свод международных прогнозов» (Москва, 1973), «Перспективы человека: Опыт комплексной постановки проблемы, дискуссии, обобщения» (Москва, 1979), «Человеческие качества» (Москва, 1980), «Пределы роста:

Доклад по проекту Римского клуба «Сложные положения человечества» (Москва, 1991). Все они были посвящены рассмотрению различных аспектов проблемы человека, понимаемой как широкий комплекс разнообразных задач *совершенствования человеческой цивилизации*. Ни в одной из этих публикаций нет даже намека на то, что в будущем главной проблемой человечества станет не решение задач по его усовершенствованию, а проблема *трансформации человеческого в постчеловеческое*.

Трансгуманистическую триаду «человек–трансчеловек–постчеловек» можно было бы просто отнести к разряду социокультурных эксцессов, пусть и предельно экстраординарных (культура будущего – *культура без человека*), о чем уже говорилось выше. История культуры всегда была полна самых различных эксцессов, и в этом отношении резонно было бы полагать, что сегодня она преподнесла всего лишь *очередной* эксцесс. Тем более, гениальная интуиция Гете в «Фаусте» уже предвосхитила этот эксцесс, как и его возможный финал: судьба гомункула, «человека из пробирки», созданного Вагнером, трагична.

Однако то обстоятельство, что трансгуманисты и постгуманисты все свои надежды возлагают на позитивную науку, ее «безграничные возможности», которые и позволят трансформировать человечество в постчеловечество, говорит о том, что Humanity+ возникло отнюдь не случайно. Именно современное состояние культуры и постнеклассическая научная рациональность генерировали постгуманистическую идеологию. Движение постгуманистов набирает силу с каждым годом, в него вливаются все новые и новые сторонники из «креативного» класса и научно-технической интеллигенции – физики, биологи, лингвисты, нейролингвисты, химики, философы, кибернетики, инженеры, социологи, футурологи. Их не останавливают никакие границы – моральные, религиозные, правовые. Не останавливает их ни интуиция «Фауста» Гете, ни художественное предчувствование опасности научных экспериментов, высказанное К. Воннегутом в «Колыбели для кошки»: «лед-9», изобретенный физиком Хоннекером, замораживает всю Вселенную. Мысль же Воннегута о том, что чем бы ни занимались ученые, у них всегда получается «оружие», вызывает в этом случае у постгуманистов всего лишь ироничную усмешку.

В связи с этим, на наш взгляд, важно отметить, что под прикрытием рассуждений о необходимости использования современных достижений НТР для радикального улучшения

возможностей человека фактически возрождается *евгеника*. И то, что не удалось сделать занимавшимся экспериментами в сфере евгеники, становится возможным сегодня, в эпоху постмодернистской вседозволенности. Тем самым постгуманистическое движение ставит человечество на порог, возможно, самого страшного эксперимента в истории культуры – превращения человека в совершенно иное существо средствами человеческого же разума.

Серьезную озабоченность по поводу разрастания движения трансгуманистов и свое негативное отношение к его идеям на различных конференциях и в своих публикациях неоднократно высказывала О. Н. Четверикова (среди ее последних работ следует выделить: «Диктатура „просвещенных“: дух и цели трансгуманизма» (Москва, 2018), «Трансгуманизм в российском образовании. Наши дети как товар» (Москва, 2018), «Цифровой тоталитаризм. Как это делается в России» (Москва, 2019)).

В 2014 г. в Институте философии РАН состоялись XIV международные Фроловские чтения «Проблема совершенствования человека (в свете новых технологий)», посвященная проблемам трансгуманизма и постгуманизма. Материалы чтений были опубликованы в 2016 г. отдельной книгой. Выступая на этих чтениях с докладом «Трансгуманизм и проблема социальных рисков», академик В. С. Степин отметил, что трансгуманизм, безусловно, представляет собой научную попытку биотехнологического улучшения человека, переноса его духовных качеств на иные носители, которые, по мнению трансгуманистов, дадут возможность продлить его духовную жизнь.

Однако, по мнению В. С. Степина, необходимо серьезно проанализировать риски, которые грозят не гипотетическому постчеловеку, а человеку реальному, существующему не в будущем, а сейчас. Так ли уж необходимо в корне менять человеческую природу, и есть ли предел, который ограничит стремление человека к собственным трансформациям? Например, совершенно неизвестно, как изменение всего лишь одного гена скажется на человеческом геноме в целом. Трансгуманисты утверждают, что бессмертие человека достижимо путем сохранения его духовной жизни в компьютере. Однако будет ли это жизнь человеческой личности, ведь культура и человеческое тело неразрывно связаны друг с другом? [9].

На наш взгляд, суждения, высказанные академиком В. С. Степиным, выходят за узкие рамки дискуссии о целесообразности измене-

ния природы человека и ставят перед современной философией культуры и научной культурологией целый ряд «неудобных» вопросов. Какими причинами обусловлен генезис отмеченных выше эксцессов в развитии социума? Почему сегодня не просто размыты, а вообще утрачены всякие границы фундаментальных понятий, на которые традиционно опиралось существование и развитие культуры? Как объяснить, что теперь в общении с Богом верующие не должны использовать обращение «Он» и «Отец»? Как вообще стало возможно, что в современном обществе возникло мощное научно-техническое движение, целью которого стало кардинальное изменение человеческой природы как таковой? Ответы такого рода, что «общество просто перешло в состояние постмодерна, для которого как раз и характерно смешение понятий, стилей, направлений», не могут быть приняты всерьез и считаться необходимыми и достаточными. Необходимо как раз другое – не просто констатировать очевидные факты, в том числе и социокультурные эксцессы, а пытаться обнаружить их скрытые причины, которые, в силу их предельного характера, не лежат на поверхности социальной и культурной динамики и не могут быть обнаружены с помощью каких-либо научных экспериментов. Речь идет не о различных факторах социокультурного развития, а о предельных основаниях культуры, которые сделали отмеченные эксцессы *и возможными, и необходимыми*.

Любой эксцесс, в том числе и социокультурный, представляет нарушение границы: «правильного», общепринятого, традиционного. О чем же свидетельствует тот факт, что, например, логика Делеза никак не соответствует формальной логике Аристотеля и диалектической логике Гегеля? О том, что она вышла за их границы. В этом смысле «Логика смысла» Делеза есть акт эксцесса по отношению к «Науке логики» Гегеля, т. е. есть *акт трансгрессии*. О чем говорит тот факт, что понятия «человек», «человечество», «человеческое», «разумное–безумное», «прекрасное–безобразное» в современной культуре оказались «повешенными в пустоте»? О том, что исследования Барта, Батая, Фуко «взломали» их узкие границы и наполнили иными смыслами или вовсе отсутствием всякого смысла. В любом случае, границы этих понятий в постмодерне оказались нарушенными, и предел их был преодолен. Рациональность Фуко осуществила акт эксцесса по отношению к рациональности не только французских просветителей, но и французских экзистенциалистов. И осуществила она транс-

грессивный, а не какой-то иной акт, потому что *ничего прогрессивного* в культурологии Фуко по отношению к философии культуры Сартра обнаружить попросту невозможно. Что нам демонстрирует такой эксцесс, как стремление современных ученых трансформировать человека в трансчеловека, а затем в постчеловека? Очевидно, то, что Гете не ошибался, полагая, что человечество – «всего лишь абстракция», «пустое» понятие, и всегда существовать будут люди, и только люди. Но Гете даже в голову не могла прийти мысль о том, что именно конкретные люди, а не абстрактное человечество, своими собственными руками попытаются превратить себя в нечеловеческих существ и населить планету какими-то постчеловеками! И тогда будет существовать *не человек в культуре, а культура без человека*. Следовательно, Трансгуманистический манифест произвел акт эксцесса и по отношению к гуманизму Гете, и по отношению к гуманизму вообще, т. е. к идее человека как «богоподобного существа», «венца творения», «вершины природной эволюции». Трансгуманизм вышел за пределы гуманизма и тем самым совершил по отношению к нему акт трансгрессии.

Но если уж современная культура развивается не интенсивно, и не экстенсивно, а эксцессивно, то возникает проблема ее несхожести, совершенной непохожести на все предшествующие ее исторические состояния – почему сегодня кругом и всюду одни эксцессы, а «вот раньше...». Однако, на наш взгляд, такой проблемы не существует, поскольку, как мы полагаем, по своей природе культура всегда, начиная с античных времен, была *трансгрессивной*. Об этом свидетельствует, в первую очередь, такой социокультурный феномен, как древнегреческая **пайдейя**.

Культура как *пайдейя* (παιδεία) не являлась для эллинов «суммой ценностей», она была делом, занимающим человека всю жизнь, – воспитанием в нем совершенства. Пожалуй, именно в пайдейе мы впервые встречаемся со стремлением человека выйти за собственные пределы, преодолеть свое несовершенство – мнимое или явное. Пределы человека – это его наличная данность, которая не может быть идеальной, абсолютно совершенной: его теперешний ум и его теперешнее тело. Пайдейя – это и возвышенный воспитательный идеал, и процесс его достижения. В этом смысле греки были пайдейей, а пайдейей была греками. Пайдейя – это человеческий дух, дающий человеку бесконечно богатые возможности развития. «Продвигаясь вперед, познавая самого себя, он строит на основе раскрытия внутреннего и

внешнего мира лучшую форму человеческого существования. Природа человека как телесно-духовного существа создает для сохранения и передачи его видовой формы особые условия и требует особой телесной и духовной дисциплины, чье содержание мы связываем со словом „воспитание“... Трудно стать человеком, который... безупречен, как квадрат, и рукою, и ногою, и мыслью...» [10, с. 11, 21].

Трагический человек Софокла – едва ли не лучший пример пайдеи как трансгрессивного акта. Из всех греческих трагиков именно его образы человеческого в человеке производят наиболее сильное впечатление. В трагедиях Софокла мы обнаруживаем не гуманизм, а *размышления об истинном образе человека*. Царь Эдип, Антигона, Филоклет, Электра, Иокаста – сопереживание этим персонажам давало возможность греку испытать духовный катарсис. Трагический катарсис и был тем способом, каким осуществлялась пайдея: очистивши свою душу от скверны, грек «раздвигал» себя до всемирной, «божественной» высоты, преодолевая низменные состояния собственной души. Рождение древнегреческой трагедии было открытием человеком своего собственного сознания, обращенного к самому себе, способного и рваться к небесной высоте, и падать вниз к земной тверди. С помощью катарсиса человек осознавал иное, чем он сам, и это иное оказывалось в нем самом.

По утверждению М. М. Бахтина, внутренняя жизнь человека, замкнутая на саму себя, не трагична и не комична, но загорится трагическим светом только тогда, когда человек *выйдет за пределы своей собственной жизни*, станет несоизмеримым со своим собственным миром и вберет в себя жизнь другого: «... при объяснении трагического... трудно ограничиться сопереживанием страдающему герою... Здесь исключены все чувства, возможные по отношению к другому как таковому, и в то же время переживается другая жизнь... то я страдаю как герой, то я свободен от страдания как зритель» [11, с. 62–63].

Однако в последующем, в средневековой европейской культуре, трагический катарсис преодолевает себя, свою прежнюю форму трагедии: духовное очищение осуществляется уже не страхом и состраданием, а с помощью гротеска, причудливого смешения трагического и комического. Гротеск – всегда отклонение от нормы, сочетание неожиданных контрастов. Тем самым посредством гротеска был осуществлен очередной культурный эксцесс – то, что было страшным, вдруг стало смешным: «Гротескные, фантастические существа запол-

няли поля средневековых книг... Средневековые более смело, чем античность, включает в свое искусство фантастическое, причудливое, а порой и просто страшное и уродливое. Образы кариатид, драконов, фантастических животных должны были очищать сознание зрителей, придавать фантастическому и причудливому присущее ему место и визуальную форму» [12, с. 282].

Еще один пример социокультурных трансгрессивных эксцессов мы обнаруживаем у О. Шпенглера. В разделах «О смысле чисел» и «Музыка и пластика» первого тома «Заката Европы» мы обнаруживаем глубочайшие суждения о трансгрессивности всех формы культуры – науки, музыки, архитектуры, ваяния, живописи. Не на основе гегелевских абстрактных законов перехода количественного в качественное или отрицания отрицания, а на интуитивном ощущении движения и взаимопроникновения реальных культурных пластов всемирной истории строил Шпенглер свою картину культурной трансгрессии.

Математика, преодолевая свои формальные границы, переходит в архитектуру, музыку и живопись. Музыка становится изобразительным искусством, живопись – музыкой. Число является полаганием границы культуры и ее истоком, который столь же архаичен, как и геометрия. Все формы культуры есть способы числового полагания границ. Господство прямой линии объединяет храмовый стиль египетских династий с древнехристианским саркофаговым рельефом и романским орнаментом. Каждая линия несет в себе отпечаток мистического числового мышления, скрепленного самым непосредственным образом с таинством смерти. Готическая архитектура – это окаменевшая математика. Пространство в живописи – математика. Чувство формы у скульптора, композитора и художника – математическое. Математика по своей сути – искусство. Рядом с мастерами математического анализа Ньютоном, Лейбницем, Эйлером и Гауссом стоят Бах, Глюк, Гайдн, Моцарт, поскольку и те, и другие были «опьянены» абстрактными, отрешенными от телесного глаза формами. Физика переходит в историю, история становится физикой, поскольку слово «даль» имеет два значения – будущее и пространственную дистанцию... «звук является чем-то протяженным, ограниченным, числообразным, почти как линии и краски; гармония, мелодия, рифма, ритм, почти как перспектива, пропорция, тени и контуры. Расстояние между двумя видами живописи может быть бесконечно больше, чем между одновременной живописью и музыкой. В сопоставлении с

какой-либо статуей Мирона ландшафт Пуссена и пасторальная камерная кантата его эпохи, Рембрандт и органные произведения Букстехуде, Пахельбеля и Баха, Гварди и оперы Моцарта принадлежат к одному и тому же искусству» [2, с. 390].

Отмеченные выше исторические трансформации культурных форм свидетельствуют, на наш взгляд, об универсальной трансгрессивности мировой культуры, что дает основание для введения понятия **тотальной трансгрессии культуры**: любое событие, любой факт, любое действие в культурной жизни общества представляют собой стремление выйти за устойчивые, «нормальные» рамки, «выскочить» за собственный предел. В этом контексте культурный разлом, происходящий на рубеже XX–XXI столетий, представляет собой естественный процесс: движение от человека к постчеловеку есть закономерный акт истории. Он есть эксцесс культуры, но только по отношению к предшествующим состояниям ее истории. Каково существо этого социокультурного перелома и чем он завершится – пока преждевременно судить [13, с. 451–452]. Очевидно только одно: в своей идее перехода от человека к постчеловеку человечество подошло к своему последнему пределу, преодолев который оно завершит свое собственное существование. Превращение человеческого в постчеловеческое будет последней из его возможных трансгрессий. Трансгрессии человеческого начались с трагического сознания «первого» человека – человека древней пайдеи. Но вряд ли кто-то (или что-то?) в будущем постчеловеческом обществе станет считать трагедией окончательное прекращение этих трансгрессий и исчезновение последнего человека в культуре.

Список литературы

1. Чудомех В. Н. Необходимость в полномерном понятии «что такое человечество» и проблемы в его формулировании // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Сер. «Философия. Культурология. Политология. Социология». 2014. Т. 27 (66), № 1/2. С. 105–111.
2. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории / пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. Москва: Мысль, 1998. Т. 1: Гештальт и действительность. 663 с.
3. Декларация трансгуманистов с сайта WTA. URL: <https://ru-transhuman.livejournal.com/413065.html> (дата обращения: 30.05.2019).
4. Турчин А. В., Батин М. А. Футурология. XXI век: бессмертие или глобальная катастрофа? Москва: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2013. 263 с.

5. Четверикова О. Н. Трансгуманизм и права человека: ситуация в мире и в России. URL: <https://rospisatel.ru/chetverikova-tg.htm#top> (дата обращения: 24.05.2019).

6. Четверикова О. Н. Диктатура «просвещенных»: дух и цели трансгуманизма. Москва: Геннадий Маркелов, 2018. 146 с.

7. Четверикова О. Н. Трансгуманизм в российском образовании. Наши дети как товар. Москва: Книжный мир, 2018. 384 с.

8. Эксперты. Россия 2045. URL: <http://2045.ru/experts/> (дата обращения: 21.05.2019).

9. Степин В. С. Трансгуманизм и проблема социальных рисков // Проблема совершенствования человека (в свете новых технологий). Трансгуманизм и проблема социальных рисков. Редукционизм как соблазн наук о человеке. Об идолах и идеалах биотехнологического самоизобретения человека. Как возможен совершенный человек? / отв. ред. Г. Л. Белкина; ред.-сост. М. И. Фролова. Москва: Ленанд, 2016. С. 26–41.

10. Йегер В. Пайдеия. Воспитание античного грека : в 2 т. / пер. с нем. А. И. Любжина. Москва: Греко-римский кабинет Ю. А. Шичалина, 2001. Т. 1. 608 с.

11. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Эстетика словесного творчества. 2-е изд. Москва: Искусство, 1986. С. 9–191.

12. Шестаков В. П. Средневековый гротеск (О понимании комического и трагического в Средние века) // Катарсис: метаморфозы трагического сознания / сост. и общ. ред. В. П. Шестакова. Санкт-Петербург: Алетейя, 2007. С. 273–283.

13. Зиновьев А. А. Запад. Москва: Центрполиграф, 2000. 509 с.

References

1. Chudomekh V. N. Necessity for a full-size concept of «what is humanity» and problems in its formulation. *Scientist notes of the Tauride National University V. I. Vernadsky*. Ser. Philosophy. Culturology. Political science. Sociology. 2014. 27 (66), 1/2, 105–111 (in Russ.).
2. Spengler O., Svasyan K. A. (transl.) *Sunset of Europe. Essays on the morphology of world history*. Moscow: Mysl', 1998. 1: Gestalt and reality, 663 (in Russ.).
3. Declaration of transhumanists from the WTA website. URL: <https://ru-transhuman.livejournal.com/413065.html> (accessed: May 30.2019) (in Russ.).
4. Turchin A. V. Batin M. A. *Futurology. XXI century: immortality or global catastrophe?* Moscow: BINOM. Laboratoriya znaniy, 2013. 263 (in Russ.).
5. Chetverikova O. N. *Transhumanism and human rights: the situation in the world and in Russia*. URL: <https://rospisatel.ru/chetverikova-tg.htm#top> (accessed: May 24.2019) (in Russ.).
6. Chetverikova O. N. *The dictatorship of the «enlightened»: the spirit and goals of transhumanism*. Moscow: Gennady Markelov, 2018. 146 (in Russ.).

7. Chetverikova O. N. Transhumanism in Russian education. Our children as a commodity. Moscow: Knizniy mir, 2018. 384 (in Russ.).
8. Experts. Russia 2045. URL: <http://2045.ru/experts/> (accessed: May 21.2019) (in Russ.).
9. Stepin V. S. Transhumanism and the problem of social risks. *The problem of human improvement (in the light of new technologies). Transhumanism and the problem of social risks. Reductionism as the temptation of human sciences. On the idols and ideals of biotechnological self-invention of man. How is a perfect man possible?* / executive ed. G. L. Belkina; comp. ed. M. I. Frolova. Moscow: Lenand, 2016. 26–41 (in Russ.).
10. Yeager V. Paideia, Lyubzhin A. I. (transl.) Education of the ancient Greek: in 2 vols. Moscow: Greco-rimskiy cabinet of Yu. A. Shichalin, 2001. 1, 608 (in Russ.).
11. Bakhtin M. M. Author and hero in aesthetic activity. *Aesthetics of verbal creativity*. 2nd ed. Moscow: Iskusstvo, 1986. 9–191 (in Russ.).
12. Shestakov V. P. Medieval grotesque (On the understanding of Comic and Tragic in the Middle Ages). *Catharsis: metamorphoses of tragic consciousness*. Saint Petersburg: Aletheia, 2007. 273–283 (in Russ.).
13. Zinoviev A. A. West. Moscow: Tsentrpoligraf, 2000. 509 (in Russ.).